

щийся на лучших людей государства, советующийся с сенатом и соблюдающий законы, — вот идеал Прокопия.

Прокопий — по существу *консерватор*, оплакивающий упадок старых «добрых» порядков Римской империи. Он со страстью нападает на действительные и мнимые «новшества» Юстиниана⁴¹. Особый гнев Прокопия и его единомышленников вызывает, конечно, притеснение Юстинианом сенаторов. Для Прокопия, как известно, сенаторское сословие — избранная, «величайшая» часть Римской империи⁴².

Немудрено, что историк искренне негодует против возвышения Юстинианом лиц низкого происхождения вроде Иоанна Каппадокийского⁴³, Петра Барсима и многих других⁴⁴. Историк с возмущением говорит о низком происхождении Юстина, Юстиниана и особенно Феодоры⁴⁵.

Особо выделяет он в обществе лиц сенаторского сословия и никогда не забывает провести грань между даже наиболее состоятельными гражданами, но не принадлежащими к сенаторскому сословию, и сенаторами⁴⁶. Он негодует на царственную чету за унижения сенаторов, особенно за их ограбление и ограничения сенаторского землевладения⁴⁷.

Прокопий подчеркивает при этом, что звание патриция несовместимо с понятием бедности и поэтому разорение особенно тяжело и оскорбительно для лиц столь высокого звания⁴⁸.

Историк оплакивает несчастную судьбу знатных и добродетельных людей, ставших жертвами мстительной злобы Феодоры⁴⁹. Он с сочувствием к жертвам рассказывает, что Феодора насильно выдавала знатных девушек сенаторского сословия за нищих и ничего не стоящих людей с целью унижить сенаторское звание⁵⁰. С горечью и даже с некоторой иронией говорит Прокопий об упадке былого величия римского сената. Ныне он не обладал уже никакой реальной властью и «часто бывало, что то, что было поставлено сенатом и затем поступило на утверждение императора, в конце концов получало у него совершенно обратное решение»⁵¹. Сенат собирался лишь для видимости и покорно выполнял волю императора и императрицы⁵². Возмущаясь тем, что император Юстиниан

⁴¹ «Охранять то, что было установлено, он [Юстиниан] не считал нужным, — пишет Прокопий, — вечно он хотел делать *по-новому*; одним словом, он был величайшим разрушителем всего того, что прежде было хорошо устроено» (*Proc. N. a.*, VI, 21). В правление Юстиниана, по словам Прокопия, «в делах было большое расстройство; не оставалось и следа от прежних привычных установлений» (*ibid.*, XIV, 1). Прокопий осуждает Юстиниана за уничтожение старых государственных должностей и введение новых, за изменение законов и реформу армии. Он подчеркивает, что все это делалось не в силу необходимости, не для пользы дела, «но для того, чтобы все было *по-новому* и носило его имя» (*ibid.*, XI, 1).

⁴² *Proc. N. a.*, XI, 17.

⁴³ *Proc. B. P.*, I, 24. 12—15; 25. 3—10.

⁴⁴ *Proc. N. a.*, XIII, 14.

⁴⁵ *Ibid.*, VI, 1—17; XX.

⁴⁶ *Ibid.*, XI, 40—41.

⁴⁷ Он сообщает об ограблении Юстинианом сенатора Зенона, внука западного императора Анфимия (*Proc. N. a.*, XII, 1—4); об ограблении при помощи подложных завещаний сенаторов Тагиана, Демосфена и Гилары (*ibid.*, 5); сенаторов Дионисия из Либана, Иоанна из Эдессы и др. (*ibid.*, 6—7); о конфискации имущества сенаторской знати (*ibid.*, XII, 11—14; XXVI, 3. 16; XXIX, 20).

⁴⁸ *Proc. N. a.*, XV, 25—35.

⁴⁹ *Ibid.*, XV, 20—35; XVI, 15—28; XVII, 1—3. Например, Феодора наказала позорной казнью друга Велисария Феодосия, «хотя он носил звание сенатора». Брошенный в темное подземелье, где его привязали к стойлу, и испытывая невыносимые мучения, он сошел с ума и затем умер (*Proc. N. a.*, III, 9—11).

⁵⁰ *Ibid.*, XVII, 7—13.

⁵¹ *Ibid.*, XIV, 7.

⁵² «Сенат сидел, как какая-нибудь картинка, лишь для украшения, не имея права ни самостоятельно вынести решение, ни выступить с достойным предложением; его собирали только для вида, для выполнения древнего закона, так как никому из созванных сюда не полагалось вообще даже голоса подавать, а постановления выносились императором и его супругой» (*Proc. N. a.*, XIV, 6).